

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ

Когда мы произносим слово «человек», то имеем в виду обобщенный, абстрактный образ единого человечества. Сто тысяч лет назад на Земле жили шесть видов людей. Сегодня остался лишь один — мы, *Homo sapiens*. Хозяева этой планеты. Может быть, пока хозяева. Научно-техническая мысль уже подвела нас к необходимости оценивания перспективы трансформирования общества в «постчеловечество», а человека — в киборга — существа, в котором органические части сочетаются с неорганическими: бионическими протезами, электронными чипами и детекторами. Этот процесс уже начался, поэтому, видимо, массовое преобразование — дело уже не столь отдаленного будущего. Так, Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) уже проводит эксперименты по превращению в киборгов насекомых, имплантируя электронные чипы, детекторы и процессоры в тела мух и тараканов. Управляя издали перемещениями насекомых, оператор сможет собирать и передавать информацию¹. О лучших разведчиках трудно и мечтать. Единственное, о чем в связи с этим действительно хочется мечтать, — о том, что чудеса технической мысли будут направлены не только на силовое, военное превосходство тех или иных стран, использующих свои достижения в целях мирового доминирования, но и на решение важных для человечества в целом и отдельного человека проблем, связанных с условиями жизнеобеспечения и утратой здоровья. Бионические руки и ноги, прямой двусторонний интерфейс «мозг–компьютер», генетическое программирование... Но и в случаях, когда появится возможность полностью компенсировать ущерб здоровью посредством электронных технологий, вопрос о границах их применимости не только не будет снят, но и станет более насущным.

¹ Харари Ю. Н. *Sapiens*. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М. : Синдбад, 2016. С. 488.

Представляется, что наибольшую сложность и для научного осмысления современности, и для индивидуального самопознания представляет транзитивный характер перемен. Сегодня принято определять транзитивность как «крайне динамичный момент перехода, во время которого все еще действуют системные закономерности предшествовавшего этапа общественного развития и вместе с тем начинают формироваться закономерности новой общественной системы»².

Согласившись с этим подходом в принципе, отметим, что если прежде исторические границы новых общественно-культурных систем можно было хотя бы приблизительно хронологически определить, то в современном мире транзитивность становится перманентной чертой — новые социокультурные системы как бы «наплывают» на предшествующие, создавая диффузные феномены и процессы, плохо поддающиеся классификации и типологии.

Тем не менее сделаем попытку выделить некоторые противоречия и конфликты, характерные для настоящего этапа транзитивности, методологически «пропустив» их через категорию идентичности. Мы ставим идентичность в центр исследования антропологической составляющей транзитивного общества, так как именно кризис идентичности становится его ключевой характеристикой. В обществе, которое, используя понятия синергетики, описывается как принципиально непредсказуемое, находящееся в неравновесном состоянии переходов от хаоса к порядку, стабильности и упорядоченности и в обратном направлении, на уровне индивида рушатся традиционные опоры в виде социокультурных категорий и норм, которыми он руководствовался до сих пор. Возникает аномия (Э. Дюркгейм), способная привести к моральной деструктивности. В мягком варианте происходят смены ценностных суперсистем (П. Сорокин).

² Федотова М. Г. К вопросу о методологии исследования транзитивного общества // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. URL: http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/6/fil%D0%BEs%D0%BEfy%D0%B0/fedotova.pdf (дата обращения: 22.03.2019).

Итак, определим три из наиболее значимых, на наш взгляд, факторов кризиса идентичности, ограничившись технологическим фокусом.

1. В связи с проблемой границ применимости электронных технологий, «улучшающих» природу человека, наряду с правовыми, юридическими, экономическими, технологическими вопросами все более обостряется моральная сторона прогресса. Ведь, например, при посредстве тех же технологий создаются способы не только помощи людям с ограниченными возможностями, но и расширения возможностей людей вполне здоровых и при этом экономически и финансово состоятельных. Следовательно, новые биотехнологии не являются нейтральными по отношению к проблеме неравенства в самых разных его аспектах. Более того, скорее всего, они такое неравенство усилят, так же как усилили неравенство электронные информационные коммуникации — и на уровне межстрановом, и на уровне индивидуальном. Такое неравенство проявляется не только с точки зрения доступа к этим коммуникациям, но и в плане способности человека адекватно, критически осмысливать информационную лавину и ориентироваться в ней.

2. Цифровые технологии, цифровое общество, цифровые коммуникации, цифровая личность. Эти понятия все чаще используются в качестве характеристик современного мира. Что же отличает «цифровую личность»? Прежде всего то, что, обретая элементарные компетенции присутствия в цифровой среде (а процесс обретения начинается практически с рождения), культурный контекст бытия личности очерчивается рамками репрезентации культурных форм в виртуальном мире. И хотя эмоционально сегодня к сфере виртуального относят практически весь мир культуры, это все же не так. Пространство физического — природный мир, воспринимаемый через культурные паттерны, богатство мира эмоционального (неспособного быть полноценно описанным посредством заданных цифровой программой значков), непредсказуемость движения «живой» мысли и прочее — остаются за пределами культурного контекста личности.

Идентичность реальная смещается в сторону идентичности виртуальной, сетевой (а иногда и замещается ею).

Исследования показывают, что информационные технологии используются молодежью:

— для развлечения: компьютерных игр, просмотра фильмов, прослушивания музыки и т. п.;

— продуктивных целей: фотографирования, дизайна, заработка в Интернете;

— общения: в социальных сетях, по телефону, в мессенджерах и т. п.;

— поиска и получения информации;

— презентации себя и своей деятельности³.

По сути, в целях самопрезентации и создавалась социальная сеть Instagram. Однако американская психиатрическая ассоциация (АРА) рассматривает увлечение Instagram как обсессивно-компульсивное расстройство, которое характеризуется развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, движений и действий, а также разнообразными патологическими страхами. Например, «fear to missing out» (страх остаться одиноким и незаметным для общества в случае регулярного невыхода в Сеть, необновления контента). Навязчивое желание «зачекиниться» побеждает доводы разума⁴.

В таком же дезадаптивном ключе рассматривается увлечение селфи. Как социальная эпидемия селфи имеет три источника (технологический, социокультурный и социально-психологический), являясь частью более широкой социальной эпидемии интернетизации протекания психических расстройств. В последние десятилетия список социальных эпидемий пополняется все новыми негативными социально-психологическими явлениями, угрожающими

³ Аянян А. Н. Феномен «информационных самоописаний» в представлениях о себе у современных подростков и молодежи // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. / под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна : Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2018. С. 35.

⁴ Байкова Т. К. Влияния Instagram на поведение человека // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. / под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна : Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2018. С. 37.

благополучию как отдельных групп населения, так и — в силу многочисленности последних — благополучию общества в целом⁵.

Таким образом, новые информационно-коммуникационные, цифровые технологии, появляющиеся со скоростью, превышающей возможности человека к их адекватной адаптации, приводят к изменению образа жизни, ценностных координат, а главное, к социальной прерывистости.

3. Обозначим еще одно свойство культуры современного мира, обусловленное возможностями технологического прогресса. В условиях глобализации информация благодаря Всемирной сети становится легким достоянием всего человечества. Речь идет не только о событийном ряде, но и о культурных образцах. Разумеется, диффузные процессы — закономерная составляющая всей культурной истории, являвшаяся следствием массовых перемещений народов, войн, природных катаклизмов, миграций и пр. Однако глобальная взаимосвязанность и взаимозависимость стран приводит к тому, что наиболее развитые из них в экономическом, технологическом, военном отношении, занимая ведущие позиции в мире, стремятся доминировать и в культуре, навязывая культурные образцы более зависимым народам. В результате повсеместно возникают так называемые гибридные культуры⁶. В отличие от диффузных процессов, вследствие которых инокультурные паттерны неизбежно трансформируются, переформируются в принимающей эти паттерны культуре и зачастую по прошествии некоторого времени даже не опознаются как инородные (как, например, в русской культуре матрешки, пельмени, самовары, валенки и пр.), в культурах гибридных инокультурные образцы сохраняются в первоначальном варианте. В значительной мере это также связано с транзитивной динамикой ведущих в технологическом отношении стран: навязанные через информационные

⁵ Сандомирский М. Е. Селфимания, экстремальные селфи и селфицид: на перекрестке аддиктологии и суицидологии // Психотерапия. 2015. № 10. С. 27–41.

⁶ См.: Кёхлер Г. Культура в эпоху глобализации // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 91.

каналы стиль жизни, мода, тип кинопродукции, набор и формат компьютерных игр, сетевой фастфуд и прочее имеют универсальный характер. Вряд ли, однако, можно считать это закономерным и, более того, естественным явлением. Все эти интервенции имеют конкретных «авторов», они поддерживаются их производителями, организованными в мощные транснациональные корпорации. За этим процессом стоят политические и финансовые интересы, в том числе интересы интегрированных в мировые корпорации (и зависимых от них) управленческих структур «принимающих» культурные образцы стран. Все это осложняет процесс обретения не конфликтующей внутри личности идентичности.

В своей последней книге «Ретротопия» один из самых значительных мыслителей современности З. Бауман писал: «Нынешняя задача поднять человеческую интеграцию до уровня всего человечества, вероятно, окажется беспрецедентно трудной, обременительной и хлопотной в выполнении. Нам нужно готовиться к затяжному периоду, когда будет больше вопросов, чем ответов, больше проблем, чем решений, когда нам придется действовать в условиях четко сбалансированного равенства шансов на успех и поражение»⁷. Нам к этому нечего добавить.

⁷ Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; под науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019. С. 157.